

УДК 81'38 (091)

С.А. Королевич

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ЛЕТОПИСНОМ ТЕКСТЕ

В статье исследуется эстетическая функция языковых единиц с диффузным содержанием, включающим в летописных текстах дополнительные ассоциации летописца как языковой личности. Выявлено, что социальная сущность автора связывается с использованием сакральных языковых единиц, представляющих духовные ценности общества, а также изобразительно-выразительных средств, соответствующих эстетическим установкам художественных стилей эпохи. Индивидуально-авторские ценностные критерии летописца выражены неотчетливо.

Эстетическая функция является основной, конструктивной в рамках художественного стиля и составляет его специфику. Выступая с названной функцией в речи, языковой знак в произведениях художественной литературы конструирует стилевые черты изобразительности, эмотивности (экспрессивности) и образности [3, с. 403]. Установлено, что его лингвистическая субстанция при этом не изменяется и другие его функции не аннулируются. Наоборот, эстетическая функция возникает и существует на базе коммуникативной функции, в речевой деятельности.

Изучение возникновения эстетической функции языка является предметом исторической стилистики и обязательно предполагает обращение к такой исторической категории, как текст письменного памятника. В тексте выступают условия и особенности употребления языкового знака в речи на предыдущих этапах развития общества, связанные с различными историческими, культурными, социальными, ситуативными факторами и обнаруживается своеобразие проявления эстетической функции языковых единиц в начальный период развития языка русской литературы.

Информативными в этом плане представляются летописи – полифункциональные тексты, с которых на Руси начинается и письменное словесное творчество. В летописании есть начала беллетристики (к памятникам названного жанра в поисках сюжетов обращались и обращаются писатели многих поколений). Будучи искусством слова, летописание, несомненно, содержит и начала художественного стиля. Поэтому есть основания считать летописные тексты ценным источником для изучения зарождения художественного стиля речи, становления эстетической функции языкового знака.

Названную функцию мы связываем в летописях с использованием в тексте языковой единицы с особым, диффузным содержанием, в котором на обычное денотативное значение наслаиваются дополнительные ассоци-

ации летописца как определенной языковой личности, а также текстовые приращения смысла. Поэтому исследование языковых единиц и закономерностей их функционирования в древнем тексте невозможно без выхода на антропоцентрическую парадигму. Летописные произведения, как и любые другие тексты, отражают не только реальный мир, но и человека в нем, прежде всего автора этих произведений.

В нашем культурном сознании существует стереотип образа летописца, правдиво и беспристрастно передающего для потомков исторические события. Но, вопреки представлению, известному из пушкинских строк, летописец отнюдь не «спокойно зрит на правых и виновных, добру и злу внимая равнодушно, не ведая жалости, ни гнева». В текстах летописей выступает авторское отношение к описываемой реальности, а также его стремление и попытки вызвать у читателя определенные чувства и сопереживания. Именно с реализацией этого отношения, на наш взгляд, и связано возникновение эстетической функции языкового знака в летописном тексте. Особые ценностные смыслы, выступающие в содержании языкового знака в летописи, опосредованы разными составляющими структуры языковой личности летописца. Поэтому в летописях сложились определенные способы воплощения эстетической функции и специфичные языковые средства ее выражения, существенно отличающиеся по своей природе и организации от художественно-образной речевой конкретизации, свойственной произведениям современного словесного искусства.

Древнерусский автор предстает, прежде всего, как человек социальный, поэтому в летописном тексте языковой знак призван реализовать идейные установки времени и общества, представителем которого летописец является. Важнейшие составляющие духовной жизни человека Древней Руси, изображенного в летописях, – вера, религия, христианство, и в летописных текстах своего рода содержательными константами являются сакральные номинации, тем более что летописание генетически связано с христианством. Но сакральные языковые единицы – это и константы культурные, так как они отражают традиционные представления русского народа о духовных ценностях. Обыденное, земное, конкретное постоянно сопоставляется с вечным, небесным, абстрактным и оценивается через это сопоставление. Вследствие этого в летописи сакральные речевые средства обретают статус и языковых констант, как правило, обладающих эстетической функцией, выступающих как способ выражения ценностных смыслов.

Об этом свидетельствует эмпирический материал, извлеченный из разных текстов анализируемого жанра. В качестве объекта исследования мы используем фрагменты летописей, повествующие о нашествиях внешних врагов на Русь и о междоусобных крамолах (список сокращенных обозначений источников см. в конце статьи). Тексты представлены в списках,

разных по времени и месту создания, но всем им свойственна религиозная обусловленность поэтического словоупотребления.

Исследование сакральной лексики в летописях приводит в сердцеви-ну комплекса культурных ценностей древнерусской культуры. Представление событий и лиц выступает здесь как позитивное или негативное в зависимости от распределения называющих их языковых знаков между двумя полюсами – понятиями, которые связаны с концептами «Бог» и «Дьявол» (иная вера). Само нашествие иноплеменников – это *гнев божий; божие поущение*, так как *наводит бо богъ, по гневу своему, иноплеменники на землю* (ЛЛ, 168). И внутренние раздоры возникают по той же причине: *усобная же рать бываетъ от наваждения диавола; диаволь же радуется злomu убийству и кровопролитию* (ЛЛ, 168).

Оценка через призму религии православия находит выражение в разных по строению языковых элементах летописного текста. Наиболее частотны в этом отношении имена прилагательные в функции определения при номинации действующих лиц летописи. Прилагательные легко вступают в контакты с другими словами, взаимно окрашиваясь дополнительными смыслами в контексте. Для рассматриваемых текстов традиционны при обозначении иноплеменников-завоевателей прилагательные-определения с общим значением «нехристианский», выступающие в синтагмах типа *поганыи татары; безбожнии татары; безаконнии татарове; окаанныи половци; половци безбожнии; поганая литва*. Возникают устойчивые формулы, которые обнаруживают экспрессию, эмоциональность, обретая оценочное значение «враги», идентичное, например, в условиях контекста номинации *супостати поганыи* (МП, 148).

Точно так же в контексте летописей благодаря сакральным определениям происходит оценочная конкретизация собственных имен: *поганый, нечестивый Ягайло* (КБ, 112); *зловерный и поганый Мамай* (КБ, 116); *окаанный Едигей* (Ед, 246); *безаконьнии Бурондаи* (ГВ, 290), *аканныи и безбожньии ... Темир Аксак* (ТА, 234). Это стереотипные формулы представления врага. Например, в Галицко-Волынской летописи так назван каждый из завоевателей: *оканьный безаконьный Ногай* (ГВ, 372); *оканьный Кончак* (ГВ, 376); *оканьный и безаконьный Телебуга* (ГВ, 384) и др.

Подобные словосочетания выполняют в тексте синкретичную функцию – номинативно-оценочную, ибо указание на принадлежность захватчиков к иной вере здесь не отделяется от эмоций древнего летописца. Поэтому для языка исследуемых памятников типично функционирование отмеченных обозначений противника в составе готовых формул. На повторяемость в средневековой литературе выразительных средств и постоянство их словесной формы указывала еще В.П. Адрианова-Перетц [2, с. 9]. Слово в летописи, особенно древнейшей, вторит ей В.В. Колесов, не автономно,

оно проявляет себя в контексте; конкретизация смысла возможна только на уровне сочетания-формулы [4, с. 25].

Однозначность и весомость оценки обусловила в таких формулах дальнейшее развитие прилагательных с сакральным значением. Во-первых, номинативное и оценочно-атрибутивное значения могли объединяться в одном слове, т.е. прилагательные субстантивировались, например: *Начаша полки поганых являтися* (Ед, 252); *И сего ради нечестивый люте гневашеся* (КБ, 114); *злии советъ створи с погаными* (КБ, 114); *сошли суть безбожнии* (ГВ, 298). Субстантивированные прилагательные, обретая статус экспрессивной номинации, в свою очередь могли определяться оценочными прилагательными: *побегоша злии погании* (ГВ, 306).

Во-вторых, в летописях зафиксированы контексты, в которых отмеченные определения отрываются от прямого сакрального значения, формируют обобщенное метафорическое экспрессивно-оценочное содержание. В этом случае они используются и по отношению к христианам: *невернии же бояре* (ГВ, 246); *окаанный воевода* (о Плоскыне-предателе) (ТЛ, 158) *безбожнымъ галичаномъ* (ГВ, 238); *безаконный лихий Семьюнко* (ГВ, 272) и др. Отмечены такие определения и в обозначениях внутренних врагов: *окаянии мятежницы* (ПЛ, 150). Не исключено, что в этих случаях начинает проявляться субъективная сущность автора.

Окказиональное использование таких эпитетов способствует тому, что переносные значения постепенно закрепляются за определениями с исконным значением «нехристианский». Действительно, впоследствии для большинства названных лексем метафорические оценочные значения стали узуальными. Например, Словарь русского языка XI-XVII вв. отмечает в семантической структуре лексемы *поганый* и многочисленных его дериватов (*погань, паганецъ, поганинь, поганство, погань, поганянинъ*) в качестве основного, исконного именно значение «язычник, нехристианин». Однако к XVII веку в семантической структуре названной лексемы развивается оценочно-экспрессивный лексико-семантический вариант [8, с. 180-182]. Интересно, что в более поздних летописях слово *поганый* уже относят даже к русским: *Бысть того голодного времени и осадного сидения от литвы и от русских воров и немец 8 лет. Аще бы та земля (Ливонская) не подмогла хлебомъ, то никако бы избыли поганых* (ПЛ, 158).

Контекст летописей позволяет трактовать такие словоупотребления как экспрессивные эпитеты, начинающие функционировать по законам художественной речи. Очевидно, здесь своеобразно проявились зачатки семантической свободы и многоплановости языкового знака, свойственной современному художественному тексту. В летописном словоупотреблении, на наш взгляд, обозначились перспективы стилистической специализации названных слов, которые в современном русском языке выступают

как разговорные негативные оценочные номинации с ярко выраженной экспрессивной окраской (сравн.: *безбожный, окаянный, поганый*).

При номинации завоевателей в летописном тексте выступают также перифрастические обозначения библейского происхождения с готовым метафорическим или символическим эстетическим содержанием. Закрепившись в системе языка в силу социально-исторических условий происхождения памятников этого жанра (летописи возникли с развитием книжности, а книжность была переводной и принесла на Русь библейско-византийский метафорический стиль [2, с. 12]), эти древние заимствования из Библии используются авторами летописей в силу их смысловой ёмкости. Например: *нечестивии измаилтяне побѣгоша гоними гнѣвом божиим* (Вож, 94); *разгаль еси враги наша, сыны Агарины, устрашилъ еси сыны Измаиловы* (ТА, 240), ср. также: *внуки измаиловы, внуки измаилтвска рода; род измаильскъ*. (Библейский персонаж Измаил считался в средние века родоначальником восточных народов и был сыном Авраама и его наложницы Агари). Такие номинации тоже представляют собой недифференцированное понятийно-образное единство, при этом образное содержание в них превалирует. В отличие от определений типа *поганый* они имеют жесткую тематическую закреплённость – называют врагов-«басурман» и являются своего рода общим местом лишь в произведениях о татаро-монгольском нашествии. Не исключено, что последующее семантическое развертывание таких формул имеет отношение к закреплению в современном русском языке экспрессивных выражений обобщенного характера: *бесовское отродье, чертовы дети, к чертовой бабушке* и т. п.

Изображая ту или иную ситуацию, автор в поисках выразительных форм для воплощения сакрального оценочного содержания обращается и к метафорам, известным главным образом из переводных книг Нового и Ветхого завета. Например, князя Олега Рязанского, вставшего на сторону захватчиков, летописец укоряет такими словами: *помраченный тмою греховною* (КБ, 112); *отступивший от света въ тму* (КБ, 118). Метафорические книжные образы *солнечный свет* (христианство), *тьма, холод, зима* (безбожие, язычество) не только считаются наиболее употребительными в церковнославянском языке [9, с. 42], но выступают и в древнерусской исторической литературе, где тьмой, темным облаком представлялось как русское язычество, так и магометанство [2, с. 122].

Социальная оценка может быть выражена с помощью образов-реминисценций из религиозно-дидактической литературы, в составе которых отсутствует собственно сакральная лексика. К таким языковым образам следует отнести сравнения, в структуре которых есть названия представителей животного мира, традиционно считающихся порождением ада, например, змей: *Приходяще, аки змии к гнѣзду, окаанный Мамай* (КБ, 120); *наплънися аки аспида нѣкаа* (КБ, 120); *акы неутолимая ехидна*

гнѣвом дыша (МП, 134). Особым знаком сакрального содержания являются цитаты из Священного писания. Например: *Он же того не хотяше* [мириться с татарами], *яко же пророк глаголет: «Брань славна луче есть мира студна»* (ЛЛ, 146); *О таковых* [изменниках] *бо пророкъ рече: «Поистинѣ сами отсѣкошяся своа добрыа масличны и присадишяся к дивии масличнѣ* (МП, 138) и др. От читателя требовалось постичь иносказательный смысл высказываний, воспринять целостный художественный образ, пропущенный через эстетическую оценку, заключенную в цитате.

Слова, относящиеся к религиозной сфере, как правило, представляют предмет речи в негативном свете, но изредка могут выражать и положительные оценки. Обычно это оценочные определения, механически присоединяемые к номинациям князей и священнослужителей: *благочестивый князь* (ЛЛ, 134); *боголюбивый епископ* (ЛЛ, 142); *христолюбивый князь* (КБ, 114); *мужь богобоязнивъ* (ЛЛ, 142); *благодарныа князи, благочестивыа княгини* (ТА, 234). Однако сакральная лексика выступает в позитивном оценочном значении и с изобразительно-выразительной целью – в метафорах и сравнениях при характеристике понятий духовной сферы: *оружие нетленное – крестъ Христовъ* (МП, 146), благословение святого старца – *аки съкровище некрадомо* (МП, 146); *образы святых... акы нѣкии свѣтилници солнечнии* (МП, 164). Эти риторические художественные средства используются в готовом виде для украшения текста.

Сакральные языковые знаки в летописи, независимо от оценочного содержания, стилистически маркированные, имеют книжный характер и, как правило, придают речи летописца особую значительность. Использование таких обозначений в летописи продиктовано традиционализмом – типом художественного сознания, свойственного средневековью в целом [1, с. 15]. Примечательна, кстати, необычайно высокая степень зависимости древнего летописца от традиций: он иногда вкладывает традиционные сакральные оценочные речи в уста самих «басурман». Так, Мамай, видя неизбежное поражение, говорит: *«Великъ богъ христианескъ и велика сила его! Братие измайловичи, беззаконии агаряне, побѣдите не готовыми дорогами»* (КБ, 124). Чаще, однако, эстетический компонент в сакральных обозначениях – результат общественной оценки, отражающей коренные духовные интересы русских людей, их приверженность христианству.

Использование сакральных единиц языка в эстетической функции – стабильная составляющая языковой картины мира каждого летописца. Так очерчиваются классическое видение мира, свойственное человеку Древней Руси, – понимание бытия как божьего творения, единого, цельного и гармоничного, имеющего неизблемые константы, и представление человека как зависимого от этого бытия.

С христианским вероучением связана и другая составляющая эстетического содержания языкового знака в летописи. Речь идет о выражении

эстетических установок художественного стиля эпохи – так называется единый художественный язык, выступающий центральной категорией поэтики в древнерусской литературе (в отличие от индивидуального стиля, который является поздним образованием и представляет собой совокупность художественных средств, присущих данному автору).

Прежде всего, летописание, особенно общерусское, велось в строгом соответствии с требованиями стиля монументального историзма. В основе этого стиля лежит чувство величавой простоты и значительности мира, а в числе его основных требований Д.С. Лихачев называет историчность, монументальность и панорамность изображения [5, с. 35]. Историчность – это идеология стиля, она как раз и заключается в целостном взгляде на мир, в соотнесении отдельных явлений с общим замыслом Творца. Монументальность же проявляется в стремлении к большим формам, к масштабному восприятию действительности.

Способом реализации эстетических критериев названного стиля для летописца служило соблюдение литературного этикета эпохи. В этой связи в текстах реализуются особые языковые средства, соответствующие той части структуры языковой личности автора, которая соотносится с ценностно-установочными характеристиками эпохальных стилей.

Во-первых, к таким средствам в летописи относятся типизированные речевые формулы с высокочастотным использованием определений, которые подчеркивают масштабность явлений и событий, их весомость. В таких словах и синтагмах представлена та же нераздельность и слитность чувственных и рациональных компонентов, что и при использовании са크ральных языковых средств, например: *Сила **тяжька*** (Пьян, 88; Вож, 92); ***бещисленья рати*** (ГВ, 266); *рать **велика*** (ПЛ, 88); ***множьство вои бещислено*** (ЛЛ, 136) и т.п. – так в летописях представлены войска, нападающие на Русь. Изображение сражений тоже стереотипно: ***бысть сѣча велика*** (ЛЛ, 134); так же характеризуются внутренние раздоры: ***замятня велика*** (ТА, 230); ***распри велице*** (Тохт, 192); последствия битвы и набегов: ***тамо бѣжащих бесчисленное множество побихия*** (КБ, 124). Один из первых исследователей стиля летописных воинских повестей, А.С. Орлов заметил, что эти стойкие стилистические «общие места» выступают в тех случаях, когда у повествователя почему-то не оказалось реальных деталей происходящего [7, с. 4]. Думается, однако, что количественная оценка, выступающая в смысловом содержании таких формул, – это эстетически значимый смысловой компонент, обусловленный требованием стиля эпохи включать в летопись только выдающиеся, весомые события. Древний автор изображал великие – и прекрасные в своем величии – дела.

На формировании центрального литературного стиля русского средневековья существенным образом тоже сказалась переводная книжность, основательно разработанная система поэтического языка образ-

цов византийско-славянской книжной культуры, перенесенных на русскую почву. Как свидетельство высокой образованности летописца в летописи появляются эмоциональные языковые образы. Таковы, например, метафорические сравнения, в которых сопоставляются духовные и материальные явления: *Мы на злое возвращаемся, яко пьси на своа бльвотины и яко свиниа валяющеся въ калѣхъ грѣховныхъ присно* (ТЛ, 168). С той же целью используются книжные метафоры библейского происхождения. Так, враги и другие «темные» силы сравниваются с хищниками, дикими зверями: *обычаем же и дѣломъ [был Темир Аксак] немилостивъ и хищникъ* (ТА, с. 230); *Он же (Батый), яко свѣрпый звѣрь, не пощади уности его* (ГВ, 290); *злии лютии звѣрие* (ПЛ, 148); *Едигей, паче же кровожелательный зверю, обрадовася сердцемъ* (Ед, 246). Такое обобщенное уподобление зверю – дань переводной книжной традиции [2, с. 93].

Зооморфные метафоры книжного характера возникают также на основе уподобления человека конкретным животным. Например, метафорическая номинация *лев*, часто выступающая в воинских повестях, библейская по происхождению, так как для Древней Руси это экзотический зверь. Интересно, что в зависимости от предмета речи названный образ в летописных текстах может прочитываться с разным оценочным содержанием. Так, метафорическое сравнение *аки лев рыка и аки неутолима ехидна* (МП, 134; 186), в котором Мамай уподобляется льву по признаку коварства и злобы, имеет явно книжный характер. Однако русские летописцы, сохраняя стилистическую окраску книжности, использовали названный образ в своих текстах для уподобления благородных героев льву по признаку силы и храбрости, так как для образованной Руси лев был прежде всего царем зверей. Например, Роман Галицкий *«устремилъ бо ся на поганья яко и лев»* (ГВ, 236). С таким значением, кстати, названная метафора стала достоянием современной художественной речи.

Ориентируясь на византийские книжные образцы, авторы летописных повестей используют и другие сложные и пышные изобразительно-выразительные средства. Например, перифразы: *гради стольнии смерти тоа вкусиша* (жители стольных городов умерли от голода) (ТЛ, 160); *Смута – злый плевель прелести вражия* (ПЛ, 160), *наполнися чаша горести пельныя* (ПЛ, 154) – о несчастьях, последовавших за нашествием самозванца. Их метафоричность и возвышенность, несомненно, привлекали внимание читателя своей выразительностью и экспрессией.

Традиционные для летописи выразительно-образительные средства для современного читателя иногда кажутся стертыми и лишены образности. Однако древнерусский адресат воспринимал эти образы как узнаваемые и яркие, созвучные его миропониманию и привлекающие внимание. Исследователи исторической стилистики подчеркивают, что в прошлом язык культуры в поисках выразительных средств был ориентирован именно

на прошлое (в настоящем – на будущее) [4, с. 20]. И хотя стиль монументального историзма как явление архаичное, древнее был связан с негибкостью читательского восприятия, настроенного на привычную волну, но при этом он имел существенное преимущество, так как давал читателю ощущение цельности его культуры, ощущение простоты и гармонии

Однако и на Руси – а не только в Византии – задолго до появления книжности был накоплен материал, который свидетельствует о наличии определенной языковой субстанции, прямо предназначенной для выражения эстетической функции. Речь идет об устном народном творчестве. Здесь, например, тоже существовали способы языкового выражения масштабности изображаемых событий, что позволяло летописцу содержание, диктуемое требованиями монументального историзма, облечь в формы, типичные для фольклора. Вот летописные аналогии к былинным и сказочным образам: *приде неслыханная рать* (ГВ, 256); *видити невидѣно рати* (ГВ, 258); *земля тутняше и горы и холми трясахуся от множества вой безчисленных* [КБ, 122] и др.

Авторы летописей были органично связаны с поэзией дохристианского периода и не только отбирали в свете ее опыта изобразительные языковые средства, но и многое из нее заимствовали. Поэтому летописное слово, как правило, несет в себе и ассоциации, отражающие устно-поэтическую традицию, а в целом в летописных текстах отчетливо выступает общепольклорная система художественных средств.

Например, с былинным языком ассоциируются рассыпанные в исследуемых текстах типичные формулы-обозначения русских воинов: *русские богатыри* (МП, 172); *рускыя удальци* (МП, 150); *удалыя витязи* (МП, 170); *храбрии витязи* (МП, 184); *богатыри же рускыя* (МП, 176). С героико-историческим эпосом связано использование и других характерных оценочных сочетаний *добрии людие моляхуся* (Тохт, 194); *старый злодѣй Мамай* (КБ, 114), *словутны невец* (ГВ, 302) и т.п.

Особую группу в летописях образуют формулы, в которых выступают метафорические «одухотворяющие» эпитеты. Таковы сочетания: *невеселая година* (КБ, 114); *высокая и страшная сила* (Ед, 254); *сердце гнѣвливое* (Тохт., 196); *мужественное сердце* (ГВ, 380); *душа страшлива* (ГВ, 284) и др. Нередки фольклорные эпитеты, относящиеся к понятиям и предметам конкретного пространственного фона событий: *мѣсто красно* (ГВ, 344), *дубрава зелена* (МП, 178); *синиа небеса, ис камена града* (МП, 150); *славный град Псков* (ПЛ, 144); *град злый* (ГВ, 292).

Ёмким оценочно-эмоциональным содержанием в летописных текстах, на наш взгляд, обладают народнопоэтические метафоры и сравнения. Например, обязательный эстетический эффект создает включение в летописный текст метафоры *волк*. Исследователи древнерусской поэтики отмечают использование названной лексемы в метафорическом сакраль-

ном значении, так как она была воспринята из евангельских притч в составе метафорически-символической картины, в которой выступают *пастух* (глава церкви), *овцы* (верующие) и *волк* (дьявол) [2, с. 97]. Однако в летописных текстах эти слова, сохраняя книжно-славянскую стилистическую окраску, реализуют иной ассоциативный план. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» воины не позволяют князю вступить в бой первым, говоря: *будем [без князя] аки стадо овчье, не имущее пастыря, влачими по пустыни, и пришедшее диви влъци распудятъ и, и разбѣжатся овци кои куды* (МП, 172-174). Здесь *пастух* – глава государства, *овцы* – подданные, *волк* – враг, захватчик. Уподобление происходит по признаку коварства, содержание метафоры к тому же осложняется моральной оценкой, и номинация *волк* получает экспрессивно-оценочное образное значение «враг», сохраняя при этом книжную стилистическую окраску; сравн. также: (воины Едигея) *самоядни волци христианскимъ людем обрѣтаются* (Ед, 246). Другой контекст, однако, представляет этот образ как метафорическое обозначение русских воинов на основе уподобления по признаку «беспощадный, немилосердный», сравн.: *ударилися на ту великую силу татарскую..., аки лютии влъци на овчии стада* (МП, 178), связанный с народной поэтикой, согласно которой с волком сопоставляется жестокий человек.

Эстетику устно-поэтического стиля воплощают в летописном языке и языковые образы, связанные с миром природы. Чаще это сравнения, изображающие гибель воинов: *богатыри же рускыя, ... аки дрѣва дубравная, клонятся на землю* (МП, 176); *Сынове же рускыя, ... сѣчаху их, аки лѣс клоняху* (МП, 178). Отдельные из таких образов могут быть связаны с представлениями о земледельческой работе: *аки трава от косы постилается у рускых сыновъ под конскыя копыта* (МП, 178); *друзии падаху с моста в ровъ, акы сноповье* (ГВ, 352). Эти языковые образы были понятны, привычны для читателей и привлекали их внимание.

В летописных текстах, представляющих собой сюжетное повествование, встречается ряд поэтических знаков-символов, например: *гром, гроза, солнце, заря, вороны*. Типичен в их кругу образ *пира* (битвы), реализованный в тексте лексемами *бракъ, чаша, вино, пити, възвеселитися*. Например: *Непрестанно покушающееся, [в бой] яко звании на бракъ сладкаго вина питии* (МП, 178); *Наполнися чаша горести пельнныя* (ПЛ, 154).

Анализ текста показывает, что любые народнопоэтические формулы в летописи – это языковые знаки, изначально насыщенные эстетическим содержанием, так как они влекут за собой целый ряд эстетических и эмоциональных ассоциаций, уже заданных этими словосочетаниями. В структуре языковой личности летописца средства выражения эстетики эпохальных стилей – монументально-исторического и эпического тоже выступают как постоянная составляющая часть. Сакральные и этикетные средства специфичны

в силу того, что в них художественная функция неотделима от их субстанции. С эволюцией художественного стиля, с появлением новых форм художественно-образной речевой конкретизации многие из таких языковых единиц не утратили своей эстетической значимости. Они образовали фонд готовых поэтических средств русского языка.

Следование определенному идеалу, использование стереотипных единиц, трафаретных образов – словом, строгое соблюдение нормы тоже имеет стилистическое значение, пишет А.В. Федоров [10, с. 60-61]. Хотя летописцы, главным образом, используют готовый языковой материал, умалять их творческих заслуг нельзя.

Во-первых, в отборе языковых единиц проявляется умение летописца сливать идею с формой, а в использовании – выступает творческая способность выражать известными, традиционными средствами новое содержание в многообразии оценочных нюансов и эмоциональных обертонов. Например, в числе характеризующих летописные образы сакральных языковых средств метафорические и перифрастические обозначения, которые имеют символическую основу, генетически восходящую к священным книгам, очень разнообразны: Так, Мамай ... *идоложрец и иконоборец, злый христианский укоритель* (МП, 132); Олег Рязанский – *лстивый сътонщик, диаволь съветник* (КБ, 114); *новый Иуда-предатель* (КБ, 116); мятежник – *враг креста Христова* (ПЛ, 146); *иноязычник и отступник православья* (МПИ, 386); *изменники, научени дьволом* (МПИ, 378); *диаволом надхнени суще* (ПЛ, 150); самозванец – *Ваал, сиречь предотеца антихристовъ* (ПЛ, 148), «вор тушинский» – *враг и разоритель христианству* (ПЛ, 160). Такие обозначения в летописных текстах рекуррентны, синкретичны, способны формально варьироваться, поэтому не исключено, что здесь выступают индивидуальные творческие потенции древнего книжника. По замечанию Д.С. Лихачева, отношение к богу в Древней Руси подчинялось настолько развитым и деспотичным традициям, обычаям, церемониалам, что они овладевали мышлением и мировоззрением человека [5, с. 80].

Не препятствовало авторским поискам и соблюдение определенного литературного и языкового этикета, регулирующее отбор других изобразительных средств, образов, метафор. В шаблонных описаниях и стереотипных формулах, диктуемых требованиями монументального стиля, тоже может зримо выступать субъективный компонент языковой личности создателя летописи. Сравним изображение масштабности одного и того явления в разных летописях. *Приде Буронда безбожный... в силѣ тяжцѣ* (ГВ, 346) – традиционное «общее место». Но в других контекстах выступает явное авторское желание оживить образ: *от начала миру не бывала такова сила* (КБ, 116); *приде Батый Киеву в силѣ тяжцѣ, многомъ множьствомъ силы своей ... И не бѣ слышати от гласа скрипанья*

телѣзь его, множества ревеня вельблудъ его, и ржания от гласа стадь конь его... (ГВ, 294). О стремлении летописца обновить привычный образ путем придания ему новой формы свидетельствуют и сопоставление следующих контекстов: *Люди от мала до велика вся убиша* (ЛЛ, 48); *Люди избиша от старьца и до суцаго младенца* (ЛЛ, 134); *Батый ... не пощадѣ от отрочатъ до сосущих млѣко* (ГВ, 292). Такие варианты свидетельствуют не только о значимости предмета речи для летописцев, но и о творческом поиске новых форм для представления традиционного содержания. Древняя формула «дает продуктивный образец для бесконечного производства новых устойчивых словесных комплексов языка художественной литературы и их дальнейших трансформаций» [6, с. 196].

По-новому прочитываются в летописных текстах и традиционные образы, восходящие к народному эпосу. Народнопоэтические метафоры, например, часто обновляются благодаря смысловым ассоциациям книжного или бытового происхождения. Так, в «Сказании о Мамаевом побоище» русские удальцы не однажды сопоставляются с соколами: *То не соколи вылетели ис камена града Москвы, то выехали русскыя удальци* (МП, 150); *Высѣдоша из дубравы зелены, аки соколи искушеныя урвалися от златых колодиць* (МП, 178) и др. В анализируемом тексте такая метафора не вполне идентична фольклорной, в которой обычно *сокол* – милый, жених, брат, вообще юноша: она, скорее, опирается на бытовые впечатления. Но образный ее смысл в итоге совмещает и экспрессивные бытовые ассоциации (*соколы* – стремительно мчащиеся всадники), и эмоциональные, свойственные образу фольклора (*соколы* – сильные, красивые, молодые мужчины, дорогие братья, мужья).

Близок русским народным сказкам, на наш взгляд, авторский фантастический образ-перифраза *треглавныи звѣрие сыроядци* (КБ, 114) – (ср.: *треглавый змей*), выступающий в «Повести о Мамаевом побоище» при обозначении трех союзников – Олега Рязанского, Мамаю и Ягайло.

Во-вторых, каждый из авторов средневековых летописей предстает в тексте не только как человек социальный, как последователь литературного этикета и продолжатель эпических традиций, но и как конкретная личность, подлинный, реальный, "частный" человек. Поэтому в летописи выступают языковые единицы, обретающие эстетическую ценность в конкретном тексте вследствие отражения индивидуальной составляющей языковой личности автора, его собственных прагматических установок.

В авторской речи эстетически значимым может стать обычное слово в тексте. Например, в Галицко-Волынской летописи есть характерное замечание автора о том, что *«Русь не желательни суть на кровопролитье, но суть миролюбци»* (ГВ, 248). В свете этого тезиса необычайно значим подтекст лексем *тишина, тишь, жизнь* в погодных записях типа: *В лѣто 6726. Тишина бысть* (ГВ, 254); *Въ лѣто 6775. И бысть тишь* [ГВ, 362]; и

бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле села (ГВ, 344). Содержание каждого из названных слов в контексте этой летописи несоизмеримо значительнее, чем в обычной номинативной функции. Индивидуализирующая эстетическая функция языкового знака может возникать и как следствие обращения автора к определенной аудитории. В итоге эстетически значимыми оказываются слова, подчеркивающие общность ценностных установок автора и адресанта. Например, лексема *нашии*: *Татарове, начаша стрѣляти, и нашии на них* (Угр, 516); *их стрѣлы между нашихи падаху* (Угр, 516). В приведенных контекстах семантика нейтрального слова фактически преобразуется, происходит ее обогащение образными и эмоционально-экспрессивными текстовыми приращениями смысла.

О проявлении индивидуальной творческой составляющей личности летописцев свидетельствуют также нестандартные образные средства. Переориентация с формулы-штампа на «живой» троп – явление редкое в летописи, но интересны даже единичные случаи. К числу авторских находок, на наш взгляд, можно отнести эпитеты: *слушающии злыхъ челоуѣкъ – сребролюбцев, богатых и брюхатых* (Угр, 516); метонимии: *Ляхомъ же лающимъ, рекущимъ: «Поженем на великыи бороды»* – на длиннородых (ГВ, 310); метафоры: *Некто же от ляховъ ... защитився отчаянием, аки твердым щитом* (ГВ, 352); *Иваньгород ... за хрептом бѣ Новаграда и Пскова* (ПЛ, 156) и др. Изредка летописцы используют не только средства словесной образности, но и языковые единицы с окраской разговорности, например: *Гражанстии народи ... въсколибашася якои пѣани* (Тохт, 192); *изыдоша псковичи из града ... яко на борьбу или на кулачной бой* [ПЛ, 154].

Как видим, летописные тексты репрезентируют и некоторые индивидуальные эмоциональные реакции их создателей, воплощенные в нестандартной языковой форме. Однако творческие приемы древних книжников и созданные ими выразительные средства в силу эпизодичности их использования сложно назвать специально «художественными». И для автора, и для читателя они элемент прагматики. Их удельный вес ещё низок, и социальная сущность языковой личности автора в летописном тексте неизменно превалирует над субъективной.

Подводя итоги, отметим, что языковые единицы, используемые в летописных текстах, могут обладать глубокой системой устойчивых подтекстов, особых образных компонентов, отражающих ценностные критерии средневекового общества. Каждый из летописцев оправданно и закономерно привлекает для реализации эстетических задач те запасы эмотивных средств, которые есть в его языке. Их ценностные смыслы, будучи социально обусловленными, в полной мере доступны современникам автора.

Эстетическое назначение, как правило, имеют сакральные языковые знаки и этикетные средства, продиктованные установками художествен-

ных стилей эпохи. Для названных языковых знаков характерен синкретизм номинативного и художественного значения, нерасчлененность субстанции и эстетической функции. Содержательная структура сакрального языкового знака, отражающего ценностные критерии общества, в летописи изначально включает оценочность и эмоциональность. Этикетные языковые средства тоже обладают эмоционально-экспрессивными смыслами, а также готовой образностью. Использование таких обозначений в летописи обусловлено традиционализмом – типом художественного сознания, свойственного средневековью в целом.

Вместе с тем можно говорить и о творческом использовании летописцами книжных и народнопоэтических изобразительно-выразительных средств, известных древнерусской литературе.

Индивидуально-авторские ценностные критерии находят воплощение в образном словоупотреблении, в использовании нестандартных, «живых» тропов, но выступают в текстах летописей спорадично и выражены неотчетливо.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЛЛ – Из Лаврентьевской летописи / Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. С. 132–148.
- ТЛ – Из Тверской летописи / Летописные повести о татаро-монгольском нашествии // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. С. 148–176.
- ГВ – Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М.: Худож. лит., 1981. С. 236–425.
- Пьян. – Повесть о побоище на реке Пьяне // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 88–91.
- Вожд. – Повесть о битве на реке Воже // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 92–95.
- КБ – Летописная повесть о Куликовской битве // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 112–131.
- МП – Сказание о Мамаевом побоище // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 132–207.
- Тохт. – Повесть о нашествии Тохтамыша // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 190–207.
- ТА. – Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 230–243.
- Ед. – Сказание о нашествии Едигея // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 244–255.
- МПИ – Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. – М.: Худож. лит., 1982. С. 376–403.
- Угр. – Повесть о стоянии на Угре // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века. – М.: Худож. лит., 1981. С. 514–521.

ПЛ – Псковская летописная повесть о Смутном времени // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI – начало XVII веков. – М.: Худож. лит., 1987. С.146–161.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С.С., Андреев, М.Л., Гаспаров, М.Л. и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С.3-38.
2. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 185 с.
3. Кожина, М.Н. Стилиевые функции речевых разновидностей / Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.401–403.
4. Колесов, В.В. Общие понятия исторической стилистики // Историческая стилистика русского языка: [Межвуз. сб-к научн. трудов] / ПГУ, филологический факультет, кафедра русского языка. – Петрозаводск: ПГУ, 1990. – 136 с.
5. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы / 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
6. Лопутько, О.П. Еще раз о единицах художественной речи (исторические заметки) // Русская историческая лексикология и лексикография; Вып. 5: [Межвуз. сб-к] / С.-Петербургский университет. – СПб, 2000. – С. 187–199.
7. Орлов, А.С. Героические темы древней русской литературы – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 143 с.
8. Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 15. – М.: Наука, 1989.
9. Улуханов И.С. О языке Древней Руси – М.: Наука, 1972. – 133 с.
10. Федоров А.В. Очерки общей и сопоставительной стилистики – М.: Высшая школа, 1971. – 194 с.